

- Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики..., с. 251; Гутнова Е. В. Историография..., с. 30.
- ¹¹¹ Корсунский А. Р. Раннефеодальное государство..., с. 1.
- ¹¹² Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., 1972, с. 102.
- ¹¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 728, примеч. 189.
- ¹¹⁴ См.: Там же, т. 19, с. 502—503.
- ¹¹⁵ См.: Там же, т. 25, ч. 2, с. 356—357, 361—362.

В. П. СТЕПАНЕНКО
Уральский университет

**«СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ ИШХАНОВ»
И БОДУЭН ФЛАНДРСКИЙ.
К СУЩНОСТИ ПЕРЕВОРОТА В ЭДЕССЕ
(март 1098 г.)**

Традиционно образование графства Эдесского связывается с событиями марта 1098 г., когда вследствие переворота в Эдессе власть в городе перешла в руки одного из предводителей первого крестового похода Бодуэна Фландрского. Описание переворота приводится во всех трудах по истории первого крестового похода, подробные рассказы о нем сохранились в трудах армянского хрониста Маттэоса Урхайеци и неизвестного рыцаря из окружения Бодуэна, чей труд был использован Альбертом Ахенским¹.

Целью похода была провозглашена борьба с «неверными» за освобождение из-под их власти «гроба господня» в Иерусалиме, а первой жертвой крестоносцев стал правитель христианской Эдессы куропалат Торос, со свержением и убийством которого было связано образование графства Эдесского — первого государства крестоносцев на Ближнем Востоке. Связь эта настолько очевидна, что в западноевропейской историографии крестовых походов предпринимались неоднократные попытки оправдать столь явное противоречие между целями похода и его конкретными результатами. Поэтому оценка переворота в Эдессе сводилась к оценке степени участия в нем Бодуэна Фландрского, к признанию или непризнанию его вины за убийство Тороса, его приемного отца и соправителя². Общепризнанная в современной бузжуазной историографии точка зрения на эдесские события была сформулирована еще в 30-е гг. нашего столетия французским исследователем Р. Груссе. Он писал, что это была «внутренняя армянская революция», в результате которой произошла лишь «трансформация армянского государства во франко-армянское», а граф, будучи посторонним наблюдателем, лишь позже был приглашен горожанами на пост правителя Эдессы³.

Подобная интерпретация фактов исходила из разработанной

еще в 50-е гг. XIX в. теории Э. Дюлорье, который при публикации французского перевода труда Маттэоса Урхайеци заявил, что «армяне приветствуют прибытие мстителей униженного креста», «мчатся им на помощь и разделяют с ними все превратности войны»⁴. С. Рэнсимен много позднее, в 1955 г., писал, что армяне «оставались единственным народом византийской сферы влияния, который рассматривал крестовый поход как святую войну, а крестоносцев, как таковых, по крайней мере во время их первой экспедиции, как ведомых и вдохновляемых богом»⁵.

В советской, а также и в зарубежной историографии данный вопрос — отношение армян и христиан Ближнего Востока к крестоносцам — до сих пор остается дискуссионным. Наиболее фундаментально он был рассмотрен в работе А. Людерс. На основании трудов сирийских и армянских хронистов она попыталась проследить эволюцию отношения восточных христиан к крестоносцам — от союзнических в период образования франкских государств на Ближнем Востоке до резко враждебных к моменту падения Эдессы в 1144 г.⁶ Г. Дмитриев полагал, что причиной изменения отношений «явились репрессии и непомерные поборы времени латинского господства»⁷. Г. Г. Микаелян, описывая захват Бодуэном Фландрским городов равнинной Киликии с преобладающим армянским населением, считал, что одной из причин успеха крестоносцев были «симпатии армян», ибо они «еще не знали истинных целей последних»⁸. Данная точка зрения вызвала резкую критику М. А. Заборова, писавшего, что Г. Г. Микаелян рассматривает «армянское население классово недифференцированно, изображая «армян вообще» в качестве некой религиозно единой массы, которая целиком поддерживала крестоносцев как своих единоверцев»⁹. Описывая переворот в Эдессе в марте 1098 г., М. А. Заборов в своей последней книге полагает, что, «появившись в Эдессе и сблизившись с частью армянской знати, враждебной Торосу, соправителем которого он стал, Бодуэн начал всячески притеснять горожан и окрестных землепашцев. Вскоре группа местной аристократии составила заговор против Тороса и восстановила против него горожан. Приемный сын и соправитель князя Бодуэн принял тайное участие в заговоре. В результате «коварные и злоумышленные люди», как называет их армянский хронист Матвей Эдесский, учинили расправу над Торосом... Властителем Эдессы стал Бодуэн»¹⁰.

Итак, в историографии первого крестового похода не ставился вопрос о сущности переворота в Эдессе, о том, в чьих интересах он был совершен и какие группировки внутри города стояли за спиной заговорщиков. Последние показываются обычно «классово недифференцированно», а общие формулировки типа «часть армянской знати», «группа местной аристократии», «горожане и окрестные землепашцы» не отражают специфику социальной структуры Эдессы во второй половине XI в.

Лишь решение данной проблемы даст возможность отказаться от поверхностных оценок и реконструировать достаточно объективную картину переворота марта 1098 г., положившего начало первому государству крестоносцев на Ближнем Востоке — графству Эдесскому.

При описании событий второй половины XI в. в Эдессе (армянское Урха) местный хронист Маттэос Урхайеци последовательно употребляет термин «ишханк калаки» — главы города, характеризуя ишханов как богатую и знатную городскую верхушку¹¹. Аристократ Ластивертци обозначает то же явление в Ани в середине XI в. термином «глхаворк калаки»¹². К сожалению, степень изученности ближневосточного города такова, что утверждать что-либо определенное относительно его социальной структуры невозможно. Несомненно лишь, что ишханы были представителями городской верхушки, так как Эдесса в данный период обладала автономией, и никакой администрации, кроме совета двенадцати ишханов, здесь не было.

Нечто подобное имело место и в Ани — столице царства армянских Багратидов. В 1044 г. последний шаханшах Гагик II выехал в Константинополь и был там задержан. Часть аристократии, видя бесперспективность борьбы с империей, перешла на ее сторону или на сторону Грузии. В этих условиях, по данным Аристократа Ластивертци, именно «глхаворк калаки» Ани сдали город византийским войскам. По мнению К. Н. Юзбашяна, речь здесь идет об анийском патрициате, тогда как О. Г. Большаков, исследуя социально-экономические отношения в ближневосточном городе, констатирует, что «конституционно оформленного патрициата в городах не существовало»¹³, в то же время характеризуя «знатных», «старцев», «предводителей» как представителей городской верхушки, не уточняя их социального статуса. Последние известны в ряде городов Закавказья и Ближнего Востока X—XII вв., связанных с внешней торговлей. Параллелью совету двенадцати в Эдессе являются тбилисские бэры, которых также было двенадцать (символика этого очевидна) и которые также играли активнейшую роль во внутри- и внешнеполитической жизни города с 80-х гг. XI в. по 20-е гг. XII в.¹⁴ То, что известно о нем в этот период на Ближнем Востоке и в Закавказье, делает данный вывод бесспорным. Этот институт зафиксирован в Карсе, Ани, Арцне, Тбилиси, Алеппо. Основой экономики Эдессы была транзитная торговля. Гийом Тирский пишет, что в городе жили «халдеи и армяне, народ невоинственный, ничего не понимавший в военном деле и преданный исключительно торговле»¹⁵. А по сведениям Альберта Ахенского, в Эдессе существовали «двенадцать старших префектов, составлявших совет, который заведовал всеми делами страны»¹⁶.

В целом можно констатировать наличие элементов самоуправления в ряде городов Ближнего Востока во второй половине

XI — первой половине XII в. Контролировавшая караванную торговлю, основу благосостояния основной массы горожан, торговая верхушка постепенно приобрела реальную политическую власть. Именно в данном аспекте следует рассматривать появление элементов городского самоуправления в городах Закавказья (Карс, Ани, Арцн, Тбилиси) и Ближнего Востока, в частности, советов старейшин, которые в смутный период феодальной раздробленности султаната Великих Сельджукидов приобрели определенные законодательные и исполнительные функции в пределах городов и их областей. В Эдессе этот совет сосуществовал с наместником — представителем центральной власти и его административным аппаратом. Государство, получавшее от городов и транзитной торговли огромные налоговые поступления и таможенные сборы, было заинтересовано в нормальном функционировании торговых путей и осуществляло контроль над ними. В свою очередь заинтересованность городов в стабильности международной торговли вынуждала их мириться с отчуждением части их доходов в пользу государств, в состав которых они входили и, как следствие, с присутствием наместника и подчиненного ему гарнизона в цитадели города.

Как известно, Эдесса вошла в состав Византии в 1031 г., когда в ее цитадель был введен имперский гарнизон¹⁷. В 1071 г. после поражения византийских войск при Манцикерте Эдесса оказалась отрезанной от территории империи вторгшимися в Малую Азию сельджуками, но сохранила византийскую администрацию во главе с дукой¹⁸. В ходе гражданской войны 1071—1072 гг. сторонники потерпевшего поражение императора Романа IV Диогена во главе с доместиком схол Востока Филаретом Враханием укрепились в юго-восточных фемах. В 1076 г. к Эдессе были направлены войска Филарета во главе с полководцем Василием, отец которого Абукаб был ранее дукой города и позже жил в нем как частное лицо. После длительной осады горожане взбунтовались против дуки, сторонника центрального правительства в Константинополе, и сдали Эдессу Василию, ставшему ее наместником от имени Филарета Врахамия¹⁹. После смерти Василия в 1083 г., собравшись в церкви св. Софии, горожане избрали его преемником полководца Смба́та без санкции Филарета. После шестимесячного правления Смба́та в рядах ишханов — городской верхушки Эдессы — произошел раскол и одна из группировок сдала город Филарету. В ходе последовавших за этим репрессий наиболее влиятельные ишханы были ослеплены, многие уведены в оковах в Мараш — столицу Врахамия, их дома разрушены, имущество конфисковано.

Тем не менее в 1086 г. уцелевшие от расправы ишханы смогли договориться с одним из военачальников Врахамия в Эдессе Парсамой и произвели переворот, в ходе которого в цитадели был убит наместник Филарета. Власть в городе перешла в руки ишханов и Парсамы, ставшего дукой Эдессы. В том же году

Эдесса была осаждена войсками полководца Великого Сельджукида Мелик-шаха Бузана. После шестимесячной осады полностью повторилась ситуация 1076 г. Горожане подняли мятеж против Парсамы, а ишханы сдали город Бузану, получив гарантии сохранения жизни и имущества. Но вскоре наместник Бузана в Эдессе салар Ксулук перебил «двенадцать ишханов, богатых и знатных», дабы не делить с ними власть.

В 1095 г. после гибели Бузана в борьбе с султаном Сирии Тутушем Эдесса открыла ворота последнему. Наместником Эдессы был назначен куропалат Торос, в прошлом наместник Врахамия в Мелитене, живший в Эдессе как частное лицо и, по-видимому, тесно связанный с городской верхушкой. В противном случае было бы трудно объяснить назначение его на пост наместника Эдессы, тогда как в цитадель города был введен сельджукский гарнизон, ему не подчиненный.

Год спустя после гибели Тутуша Эдесса отказалась признать власть его сына и преемника Ридвана. Вскоре Торосу удалось изгнать из цитадели гарнизона султана. Эдесса стала автономной, но неустойчивость ее внешнеполитического положения вынуждала ишханов искать могущественного покровителя. Именно в этой связи следует рассматривать неудачную попытку пригласить в город Сельджукида Алпхилага (Алп Илека?) и передать ему власть. Сельджукид был убит после того как стало известно о его намерении разграбить Эдессу и уйти.

В целом 90-е гг. XI в. были наиболее трудными для Эдессы. Распад султаната Великих Сельджукидов (1092) и усобицы наследников Мелик-шаха привели к тому, что на территории Ближнего Востока возникает конгломерат крайне неустойчивых государственных образований, ведущих нескончаемые войны друг с другом. В этих условиях территория Эдессы стала объектом борьбы владетелей Антиохии, Алеппо, Хысн Кайфы и Самосаты. Альберт Ахенский пишет, что, для того чтобы сохранить автономию и обезопасить себя от набегов со стороны соседей, нотабли Эдессы платили им дань и давали заложников. Так, владетель Самосаты Балдук «угрозами принудил выдать ему в заложники большое число сыновей знатных граждан для обеспечения уплаты налогов и податей византийской монетой, которые выплачивались жителями за их виноградники и жатвы»²⁰. Сирийский аноним 1234 г. сообщает, что Эдесса выплачивала дань султану Алеппо Ридвану²¹. Единственным воинским контингентом, которым располагал в данный период город, было ополчение его жителей, боевые качества которого были невысоки и которое было не в состоянии противостоять сельджукской коннице. В этих условиях городская верхушка Эдессы продолжала искать силу, способную оградить город от сельджукских набегов. И не она одна.

Известно, что проводником крестоносцев через Малую Азию, а затем отряда Бодуэна Фландрского к Евфрату был князь

Баграт, брат владельца крупнейшего армянского княжества в Приевфратье Васи́ла Го́ха²². Маттэос Урхайеци пишет, что с выходом армии крестоносцев из Никеи письма с извещением об этом были посланы владельцу Горной Киликии Константину Рубениду и правителю Эдессы куропалату Торосу²³. Киликийские князья и монахи Черной Горы снабжали крестоносцев продовольствием во время осады ими Антиохии²⁴. Известно также, что армяне Тарса сдали город Бодуэну Фландрскому, а армянское население Артаха при известии о приближении крестоносцев восстало и перебило сельджукский гарнизон²⁵. Таким образом, иллюзии об освободительном характере крестового похода были присущи не только феодальной верхушке христианских государств Ближнего Востока, но и достаточно широким слоям населения, что Г. Дмитриев закономерно связывал с недовольством «турецким господством»²⁶. Факты, сообщаемые армянскими, сирийскими и латинскими хронистами, показывают, что христиане Сирии и Месопотамии рассматривали крестоносцев-единоверцев, что было весьма существенно в данный период, если не как освободителей, то как союзников, как реальную силу, которую можно было использовать для борьбы с сельджуками²⁷. В той внешнеполитической обстановке, которая сложилась в Месопотамии накануне крестового похода, обращение городской верхушки Эдессы за помощью к крестоносцам вполне закономерно.

Оно явилось причиной того, что после первых успехов в Киликии (в результате Бодуэн Фландрский в упорной борьбе с племянником Бозмунда Тарентского Танкредом ввел свои гарнизоны в Тарс), он бросил их на произвол судьбы и ушел к Евфрату, «получив приглашение из Армении, где он овладел Тель-Баширом и Равенданом и подчинил своей власти всю ту страну»²⁸. Вскоре после взятия Тель-Башира «дукс города Рохас (Эдесса.— В. С.) отправил к Бодуэну епископа этого города с двенадцатью его старшими префектами, составлявшими совет, который заведовал всеми делами страны, и пригласил его явиться к нему вместе с галльскими рыцарями для защиты земли от вторжения турок, опустошавших ее беспрестанно, за что предлагалось ему участие в верховной власти и доходах и податях, которыми пользовался владелец»²⁹. Маттэос Урхайеци также пишет, что Торос пригласил графа «прибыть к нему на помощь против врагов его, соседних эмиров, которые его очень беспокоили»³⁰. При появлении Бодуэна «сенаторы и все узнавшие о том исполнились радостью... и ввели его с торжеством в город. Вследствие такого славного приема... владелец... сам призвавший Бодуэна по совету своих двенадцати сенаторов, будучи оскорблен похвалами, которые народ и сенат расточали пришельцам... никак не хотел, чтобы Бодуэн управлял страной и городом и пользовался равной частью доходов и податей. Впрочем, он объявил в то же время, что он даст ему золото, серебро, пурпур, мулов, лошадей и оружие в изобилии, если тот пожелает

защитить его, жителей и страну против козней и нападений турок и отправится как союзник в назначенное место. Но Бодуэн решительно отказался от всех подарков правителя при таких унижительных условиях и ограничился просьбой проводить его назад... Двенадцать знатных сенаторов, первейшие горожане и народ, узнав, что ни золото, ни серебро... не могут склонить Бодуэна остаться, отправились к дуксу и настоятельно просили его не отвергать такого благородного мужа, не допустить столь могущественного защитника удалиться, но, напротив того, пригласить его к участию во власти и в управлении городом, чтобы... город и вся страна были в безопасности»³¹.

Таким образом, граф был приглашен в Эдессу Торосом «по совету двенадцати сенаторов». Но если правитель предложил графу статус наемника, то сенаторы и первейшие горожане были согласны на передачу Бодуэну части функций Тороса, заключавшихся в защите города от внешних врагов. В этой связи приглашение Бодуэна Фландрского сопоставимо с приглашением Алхилага двумя годами ранее. Использовать же крестоносцев как наемников не удалось. И под угрозой ухода графа, и под давлением «двенадцати сенаторов, первейших горожан и народа» правитель был вынужден уступить и согласиться на раздел власти с Бодуэном. Показательно, что народ оказался на стороне сенаторов. Тяжелое внешнеполитическое положение города должно было в первую очередь отразиться на положении мало- и неимущих слоев населения. Они же в основном страдали во время осад Эдессы. Поэтому ишханам было так легко поднять горожан на мятеж против византийского дукса в 1076 г. и против Парсамы в 1086 г. Под их давлением Торос был вынужден согласиться на раздел власти и доходов с графом и даже усыновить его как наследника. «Видя то постоянство и величайшее расположение, которое оказывали Бодуэну двенадцать префектов и все его сограждане [Торос] уступил против воли их просьбе»³². Церемония усыновления графа состоялась в присутствии все тех же двенадцати сенаторов, после чего в качестве соправителя Бодуэн Фландрский совершил поход против эмира Самосаты, возглавив отряд рыцарей и городское ополчение Эдессы. В оценке результатов похода источники расходятся. Маттэос Урхайеци рассказывает о его неудаче, связывая ее с разгромом эдесского ополчения, бросившегося грабить пригороды Самосаты³³. Ближе к истине информатор Альберта Ахенского, сообщающий о тяжелых потерях эдесского ополчения, тогда как отряд графа почти не пострадал и смог заблокировать крепость³⁴. Успех самосатской экспедиции упрочил позиции Бодуэна Фландрского в Эдессе, соответственно ухудшив положение Тороса. «Несколько дней спустя, видя мудрость и твердость, с которой Бодуэн противился замыслам турок, и убедившись в том, что город и их укрепления будут безопасны, пока находятся в его руках, сенат и все горожане пригласили

с гор Константина, владельца весьма могущественного, для совета с ним»³⁵.

Таким образом, инициатива передачи власти в городе графу исходила от двенадцати сенаторов, опиравшихся на поддержку горожан. На совет был приглашен владелец расположенной на Евфрате выше Самосаты крепости Каркар князь Константин, принимавший участие в самосатской экспедиции. Было решено передать власть в Эдессе Бодуэну путем устранения Тороса. Стремясь оправдать участие графа в последующем мятеже против Тороса и доказать законность его прихода к власти в городе, Альберт Ахенский обвиняет правителя в злоупотреблениях властью и насилиях над горожанами. Одни обвинения — это ложь, призванная оправдать действия заговорщиков. Но некоторые дают определенное представление о причинах недовольства городской верхушки Эдессы Торосом. Правитель «был в постоянной борьбе с ними (сенатом и горожанами.— В. С.), он приносил им всякое зло и отнял у них неслыханное количество золота и серебра». По-видимому, шла борьба за власть в городе между правителем и сенатом. Но последний смог привлечь на свою сторону горожан, обвиняя Тороса в том, что он «возбуждал против недовольных злобу турок... побуждая их сжигать виноградники и жатвы и уводить стада»³⁶. Фактически же на правителя была возложена вина за внешнеполитическое положение города, ставшее в 90-е годы XI в. критическим: выдача заложников и уплата дани тяжелым бременем ложились на плечи и знати, и рядовых горожан, возбуждая всеобщее недовольство. Но Торос был виновен в этом не более чем сами двенадцать сенаторов, в действительности возглавлявших Эдессу в 70—90-х гг. XI в. при всех ее наместниках и правителях, и вершивших судьбу города. Не располагая иной военной силой, кроме городского ополчения, Торос был не в состоянии изменить ситуацию. Но он контролировал цитадель и опирался на часть городской верхушки, тех ишханов, чьи дома были разграблены в ходе переворота. Как следствие, его правлению не было альтернативы.

Положение коренным образом изменилось, когда в Приевфратье с 200 рыцарями появился Бодуэн Фландрский. Успех самосатской экспедиции и угроза Бодуэна уйти из Эдессы, если он не получит статуса соправителя, явились причиной того, что городская верхушка решила устранить Тороса, подобно тому, как она неоднократно делала это ранее с неугодными правителями. Заговор созрел в среде ишханов-сенаторов Эдессы, что косвенно признает и Маттэос Урхайеци, хотя он и не мог писать об этом прямо, будучи монахом одного из монастырей города.

Альберт Ахенский пишет: «Все жители города, большие и малые, бросились однажды к оружию и, надев панцири, пошли к Бодуэну просить его содействия в гибели владельца и вместе объявили, что ими решено с общего согласия провозгласить

его самого вождем и господином»³⁷. Ранее в аналогичных ситуациях ишханам также удавалось спровоцировать выступление горожан против правителя (события 1076 и 1086 гг.). В 1083 г. Смбат был избран правителем Эдессы общим собранием горожан, собравшихся в церкви св. Софии. По-видимому, нечто подобное имело место и в данном случае. Поведение Бодуэна Фландрского в данной ситуации было достаточно двусмысленным. Осажденный в цитадели Торос вступил в переговоры с ишханами, в ходе которых он обещал им сдать цитадель при гарантии свободного ухода в Мелитену, правитель которой Гавриил был его родственником. Граф играл роль посредника между правителем и ишханами (у Альберта Ахенского — «начальниками города»). Маттэос Урхайеци сообщает, что Бодуэн поклялся на святых реликвиях, принесенных из церкви св. Апостолов, отпустить Тороса из города. Последний открыл ворота, «и Бодуэн и ишханы вошли в цитадель»³⁸. После этого Торос был растерзан толпой, которую ишханы «взбунтовали против него». Альберт Ахенский пишет, что Бодуэн «был провозглашен дуксом³⁹ и князем Эдессы. Жители доверили ему охрану той неприступной башни (цитадели.— В. С.) и всех сокровищ, которые были в ней заключены, и дали клятву как верноподданные»⁴⁰.

Таким образом, переворот марта 1098 г. в Эдессе был лишь эпизодом в цепи ему подобных, происходивших в городе на протяжении 70—90-х гг. XI в. Каждый раз организатором переворота была торгово-ремесленная верхушка города — «ишханы», «знатнейшие сенаторы», «первейшие жители». Во главе Эдессы в данный период стояли «двенадцать ишханов», «двенадцать старших префектов», сенат как орган городского самоуправления. Свержение Тороса имело целью передачу Бодуэну Фландрскому власти правителя Эдессы, контролировавшего цитадель и командовавшего вооруженными силами города. Правитель обладал чисто военными функциями по «защите города и его области от врагов» и получал за это часть налоговых поступлений.

Традиционно считается, что непосредственным результатом переворота явилось образование графства Эдесского⁴¹. Но став преемником Тороса в Эдессе, Бодуэн Фландрский еще долгое время делил власть с советом двенадцати как органом городского самоуправления, ни в коей мере не являясь хозяином города. В этой связи статус графа мало чем отличался от статуса его предшественников. И лишь позже, к концу первого десятилетия XII в., уничтожив совет двенадцати, граф мог взять Эдессу под свой контроль.

¹ Маттэос Урхайеци. Хронография /На древнеарм. яз.— Вагаршанат, 1898, с. 260—263; Alberti Aqueensis. Historia Hierosolymitana.— RHCoc., 1879, t. 4, lib. 3, chap. 22. Вопрос о степени объективности хрони-

стов в зависимости от их этнической и религиозной принадлежности в свое время стал предметом полемики между Г. Дмитриевым и М. А. Заборовым. Отмечая большую объективность армянских источников по сравнению с латинскими, М. А. Заборов сравнил описание переворота марта 1098 г. Барсега Урхайеци, сирийского епископа Эдессы во второй половине XII в., и Маттэоса Урхайеци. Даже если допустить, писал он, что Урхайеци «несколько смягчил конкретные обстоятельства соучастия Бодуэна в убийстве куропалата Тороса, чего не сделал Барсег, не являясь подданным графства Эдесского, то имеются все основания считать, что показание Матфея Эдесского, вообще хорошо осведомленного относительно политической истории Киликии (Так!), более близки к истине, нежели свидетельства западных историков» (Заборов М. А. К вопросу о значении известий восточных современников крестовых походов.— ИФЖ, 1968, 3, с. 158). В целом соглашаясь с тем, что армянские и сирийские источники более объективно описывают историю крестовых походов и франкских государств Ближнего Востока, мы полагаем, что пример, в данном случае описание переворота в Эдессе, выбран неудачно. Как раз здесь более достоверными являются данные Альберта Ахенского. Причины того известны. Маттэос писал первую часть своего труда до 1101 г. См.: Хронография, с. 302. Ж. Лоран полагал, что это могло иметь место вскоре после 1101 г.— Laurent I. Des Grecs aux Croisades: Etudes sur l'histoire d'Edesse entre 1071—1098.— Byzantion, 1924, I, p. 443. Причины, вынуждавшие Маттэоса писать правду, но не всю правду, он объяснил сам: «Я желал описать их (крестоносцев.— В. С.) многочисленные преступления, но не осмелился, ибо мы живем под их властью».— Хронография, с. 263. В то же время, как окончательно установил П. Кнох, источником для Альберта Ахенского, в том числе и при описании переворота 1098 г., явилась утраченная хроника непосредственного участника событий — лотарингского рыцаря из окружения Бодуэна Фландрского. Его описание переворота практически полностью совпадает с описанием его Маттэосом Урхайеци. Но если у последнего фигурируют анонимные «коварные и злоумышленные люди», то у лотарингца не было оснований скрывать роль «сената» в перевороте. Показательно, что о его роли в Эдессе пишет и другой участник событий — Фульшер Шартрский (Fulcherii Carnotensis. Historia Hierosolymitana.— РНСосс., 1866, t. 3, p. 337), данные которого в свою очередь подтверждает сам Маттэос, сообщая о роли ишханов во всех предшествующих переворотах.

² См. например: Grousset R. Histoire des croisades et du royaume francs de Jerusalem. Paris, 1934, t. 1, p. 56, 59; Runciman S. The history of the crusades. Cambridge, 1954, v. 1, p. 205—207. Ср.: Заборов М. А. Крестовые походы. М., 1958, с. 83.

³ Grousset R. Histoire des croisades..., p. 56, 59.

⁴ Dulaurier E. L'histoire des croisades d'après les chroniques arméniennes.— RA, Paris, 1898, pt. 1, p. 226.

⁵ Runciman S. The Byzantine Provincial Peoples and Crusades.— In: Relazioni X Congresso internazionale di scienze storiche. Firenze, S. a., v. 3, p. 624.

⁶ Luders A. Die Kreuzzüge in Urteil syrischer und armenischer Quellen. Berlin, 1964.

⁷ Дмитриев Г. Рец. на кн.: Людерс А. Крестовые походы в оценке сирийских и армянских хронистов. Берлин, 1964.— ИФЖ, 1966, 3, с. 285.

⁸ Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952, с. 92.

⁹ Заборов М. А. Крестовые походы, с. 83, примеч. 1.

¹⁰ Заборов М. А. Крестоносцы на востоке. М., 1981, с. 75.

¹¹ Маттэос Урхайеци. Хронография, с. 233, 236, 237, 262, 275.

¹² Аристакэс Ластивертци. Повествование/На древнеарм. яз.; Изд. К. Н. Юзбашян. Ереван, 1963, с. 62.

¹³ Юзбашян К. Н. Грузинские послы в Ани в 1045 г.— В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с. 157; Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984, с. 282.

¹⁴ См.: Аракелян Б. Н. Городская администрация и самоуправление

в средневековой Армении.— ИФЖ, 1961, 3—4; Месхия Ш. А. Городская коммуна в средневековом Тбилиси. Тбилиси, 1962; Большаков О. Г. Средневековый город, с. 282.

¹⁵ Willelmi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum.— RHCoc, 1844, t. 1, lib. 14, chap. 4.

¹⁶ Alberti Aquensis Historia..., lib. 3, chap. 19. Впервые наличие в Эдессе совета двенадцати было отмечено Ж. Лораном в его очерке политической истории города.— Laurent J. Des Grecs..., p. 443.

¹⁷ Об истории Эдессы 1071—1098 гг. см.: Duval V. Histoire politique, religieuse et litteraire d'Edesse jusqu'à la premiere croisade.— JA, 1892, XIX, p. 91—102. Laurent I. Buzance et les Turcs Seljoucides dans l'Asie Occidentale jusgu 1081. Paris; Nancy, (1918), 1919; Арутюнова В. А. Византийские правители Эдессы в XI в.— ВВ, 1974, 35, с. 127—153; Степаненко В. П. Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города. К интерпретации событий 1083 г.— В кн.: Византия и ее провинции. Свердловск, 1982, с. 48—53.

¹⁸ См.: Арутюнова В. А. Византийские правители Эдессы, с. 145; Степаненко В. П. Государство Филарета Варажнуни, 1071—1086.— АДСВ. Свердловск, 1976, с. 86—103.

¹⁹ О событиях 1083 г. см.: Степаненко В. П. Ишханы Эдессы..., с. 49.

²⁰ Alberti Aquensis Historia..., lib. 3, chap 21.

²¹ The First and the Second Crusades an Anonumos Syriac Chronicle. Transl. by A. S. Tritton with notes by H. R. A. Gibb.— JRAS, 1933, I, p. 71.

²² Alberti Aquensis Historia..., lib. 3, chap. 17.

²³ Маттэос Урхайеци. Хронография, с. 257.

²⁴ Там же, с. 259.

²⁵ Alberti Aquensis Historia..., lib. 3, chap. 11; Kamal ad din. Chronique d'Aleppo.— RHCori, 1886, t. 3, p. 578.

²⁶ Дмитриев Г. Рец. на кн.: Людерс А. Крестовые походы..., с. 285.

²⁷ Религиозный фактор играл весьма существенную роль в период средневековья, когда религиозная принадлежность совпадала, а часто и прямо отождествлялась с этнической. Единoverцы иного этнического происхождения были ближе «неверных», принадлежавших к той же народности. Примеры тому на армянской почве — Филарет Врахамий, правители Мелитены и Эдессы севаст Гавриил и куропалат Торос. Будучи армянами, они всюду в источниках фигурируют как «ромен» — греки, так как были православными. По-видимому, их религиозная принадлежность предопределила неприязненное отношение к ним современных хронистов, особенно к Филарету.

²⁸ Alberti Aquensis Historia..., lib. 3, chap. 18.

²⁹ Idem., chap. 19; Fulcherii Carnotensis Historia..., p. 377 — princeps civitatis.

³⁰ Маттэос Урхайеци. Хронография, с. 260.

³¹ Alberti Aquensis Historia..., lib. 3, chap. 20; Fulcherii Carnotensis Historia..., p. 338 — cives urbis principem.

³² Alberti Aquensis Historia..., lib. 3, chap. 21.

³³ Маттэос Урхайеци. Хронография, с. 261 — 2 половина кареме 547 г. арм. эры между 14—20 февраля 1098 г.

³⁴ Alberti Aquensis Historia..., lib. 3, chap. 21.

³⁵ Idem., chap. 22.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem. Дата — ок. 7 марта 1098 г.— Hagenpauer H. Chronologie de la premiere croisade. Paris, 1902, p. 129.

³⁸ Маттэос Урхайеци. Хронография, с. 262.

³⁹ Возможно здесь «дукс» переводится не как герцог или государь, но является калькой с византийского «дука», так как источники называют дукками всех поствизантийских правителей города, в том числе и Тороса.— Маттэос Урхайеци. Хронография, с. 260.

⁴⁰ Alberti Aquensis Historia..., lib. 3, chap. 24.

⁴¹ Заборов М. А. Крестоносцы на востоке, с. 75.